

Как раздробить Россию

Андрей Евдокимов, Александр Загородний

Самую хитроумную и по своим последствиям самую губительную тайную операцию против России, точнее — против Московской Руси, провели спецслужбы Ватикана и Османской Порты в середине XVII века. Их поддерживали агенты влияния из церковной и государственной элиты, многие из которых не понимали смысла происходящего. Речь идет о церковной реформе, которую обычно связывают с именем патриарха Никона, он же Никита Минин. Ее инициаторами и апологетами стали и до сих пор продолжают оставаться явные и тайные враги российской государственности. Реформа православия повлекла геноцид невиданных масштабов, жертвами которого на протяжении веков стали сотни тысяч, возможно — миллионы, наших предков.

Несмотря на то, что первоначальные цели операции не были достигнуты, ее результаты пагубно влияли на ход отечественной истории несколько столетий, включая настоящее время.

КОМУ ЭТО НАДО?

Раскол православия стал следствием церковной реформы, которая не была обоснована ни богословски, ни канонически и вообще не нужна церкви. Но тогда кому была выгодна эта «реформа», каковы ее истинные причины и цели?

Историк Н. Каптерев в своей книге «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» пишет: «*Инициатива произвести церковную реформу, в смысле объединения наших церковных чинов, обрядов и богослужебных книг с тогдашними греческими, принадлежит не Никону, а царю Алексею Михайловичу и его духовнику, протопопу Стефану Вонифатьевичу. Они первые, еще до Никона, задумали произвести церковную реформу, ранее наметили ее общий характер и начали понемногу приводить ее в исполнение. Они еще до Никона вызвали в Москву из Киева знающих греческий язык книжных справщиков, с помощью которых начали поправлять наши книги по образцу греческих. И, что главное, они же создали и самого Никона как реформатора-грекофила...*».

Воцерковленной и светской обществу до сих пор внушают, что реформа проводилась с целью исправления ошибок и опусок, вкравшихся в богослужебные тексты. Но это циничная и преднамеренная ложь! Результаты сравнительного фразеологического и лексического анализа предреформенных и послереформенных богослужебных книг показали, что в результате так называемой «справки» в послереформенных книгах появилось огромное количество погрешностей

и грубых ошибок. Объявленной целью реформы было достижение церковного единообразия с греками. Но истинные намерения реформаторов лежали исключительно в плоскости тогдашней геополитики и не имели ничего общего с духовностью и священнослужением.

Дело в том, что Алексей Михайлович первым из русских царей решил предъявить права на византийский престол и возглавить вселенское православие. Вот как говорит об этом Н. Каптерев: «*Алексей Михайлович считал себя не только преемником древних благочестивых греческих императоров в делах веры и благочестия, но и законным наследником их царства, верил, что ему или его преемникам, действительно, суждено в будущем владеть Константинополем и всеми православными народами, томящимися под турецким игмом...*».

Этой химере была подчинена вся деятельность царя Алексея Михайловича, которого и следует считать главным творцом раскола.

Сама идея объединения всех православных народов под скипетром и державой русского самодержца возникла после падения Византии в 1453 году. Спустя полвека убежденность в том, что Россия является духовной наследницей Византии уже не вызвала сомнений. В 1516 году старец Филофей в послании к великому князю Василию III писал: «*Вся христианская царства спидошася в твое едино, яко два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти... Един ты во всей поднебесней христианом царь*».

С тех пор диванные патриоты не устают талдычить о Москве как «третьем Риме», внушая миру концепцию богоданности религиозной и национальной исключительности русского народа. На этой идее был воспитан и Алексей Михайлович. Став царем, он решил воссесть на престол древних греческих правителей. Но решить эту задачу можно было только путем победоносной войны с самой могущественной империей того времени — Османской Портой, вражда с которой имела многовековую историю. Эту вражду подпитывал непрекращающийся конфликт Москвы с Крымским ханством, являвшимся вассалом и верным союзником турецких султанов.

Царь Алексей презирал все отечественное и преклонялся перед всем зарубежным. О «чуждесах западной культуры» у него было фантастическое представление, Алексей был убежден во всеобъемлющем могуществе иноземцев. Пренебрежение к отечественной истории и культуре как бы по наследству досталось его сыну, императору Петру I Алексеевичу. Его вера в преемство иноземной «немецчины» над

всем русским была болезненно гипертрофирована, равно как и маниакальная ненависть к традициям и духовным ценностям собственного народа. Далекое не случайно в перечне религий, которые Петр дозволил исповедовать подданным, не было традиционного православия.

Призраком византийского престола витал над Россией и после смерти царя Алексея Михайловича вплоть до 1917 года. Его потомки уже прочно «зациклились» на проблематике «греческого проекта». Идея византийского престолонаследия постепенно получила весьма широкое распространение в русском обществе, и если раньше она инспирировалась извне, то в XIX веке уже многие русские мыслители отдадут дань утопическому проекту создания Великой Греко-Российской Восточной империи со столицей в Константинополе. Об этом писали Ф. Тютчев, Ф. Достоевский, И. Аксаков и другие. Достоевский усматривал в этой химере «единственный выход наш в полноту истории», <...> «рано ли, поздно ли, а Константинополь должен быть наш», — утверждал он.

ТАК СОШЛИСЬ КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ

Задолго до воцарения Алексея Михайловича не иссякал поток подстрекателей, пытавшихся столкнуть Москву с Портой. Один из папских легатов сладкоречиво увещевал Ивана Грозного:

«*Если ты соединишься верою с Папою и всеми государями, то при содействии их не только будешь на своей прародительской отчине, в Киеве, но и сделаешься императором Царьграда и всего Востока...*»

И далее: «*все беды России легко исправимы, если русские не погнушаются принять унию, целуя туфлю с ноги Папы*».

Но ввязываться в заведомо проигрышную войну с могущественными Османами, завоевавшими половину Европы и чуть ли не всю Переднюю Азию, великий князь всея Руси Иоанн, он же Иван Грозный, остерегся.

Однако провокаторы нашли в лице Алексея Михайловича и в его близком окружении благодатную ниву для взращивания своих коварных замыслов.

Столкнуть москвитов с турками хотели государства Западной Европы и примкнувшая к ним Речь Посполитая, боявшиеся очередного нашествия Порты. На защите и продвижении интересов объединенной этими планами Европы стоял Ватикан, считавший себя единственным центром «правильного», то есть католического христианства.

Но у католических прелатов были и свои чаяния. Они строили планы глубокой

экспансии на Восток и, разумеется, желали обратить население всей Восточной Европы в католичество или добиться от православной церкви признания власти Рима.

Казалось, Ватикан на пути к успеху. В 1596 году была провозглашена Брестская церковная уния, объединившая православную церковь окраинных земель Польши (территория современных Украины и Беларуси) с католической церковью на основе признания верховенства папы Римского и основных католических догматов, но при сохранении православной обрядности. Так сформировалась существующая до сих пор Украинская греко-католическая (униатская) церковь.

Захватив плацдарм в центре восточного славянства, папские легаты устремились дальше на Восток — на Москву и подвластные ей земли.

Как известно, Ватикан был очень близок к достижению своих целей в период Смутного времени. Сопровождавшим польских захватчиков прелатам и членам ордена иезуитов было предписано добиться от Самозванца «издать закон, чтобы в Церкви Русской все подведено было под правила соборов отцов греческих...»

Однако всенародное сопротивление, которое возглавили Минин и Пожарский, разрушило эти планы. Поляки и сопровождавшие оккупантов иезуиты убрались во свояси, как говорится, не солоно хлебавши.

Но был и второй субъект тогдашней геополитики, заинтересованный в раздроблении и последующем завоевании России. Султаны Османской Порты не смирились с разгромом Казанского ханства и с присоединением к России Поволжья вплоть до Астрахани и Ногайской орды (северный Прикаспий и Предуралье), до того находившихся в вассальной зависимости от Стамбула. Ведь занятые Россией территории были стратегическим плацдармом для завоевания турецких провинций в Причерноморье и победы над извечным врагом Москвы — Крымским ханством. Что, в конце концов, и произошло.

Однако крах польского нашествия послужил поучительным примером для османитов. Великие визири не зря кормились с рук своих султанов. Они хорошо умели предвидеть и рассчитывать. Турки опасались, что, даже завоевав Россию, не смогут ее удержать, как это случилось с поляками. Причина — неколебимое единство русского народа, которое, — вот неожиданный парадокс! — только укрепилось в результате бед и сумятиц Смутного времени.

Судя по всему, к такому же выводу пришли и в Ватикане, отказавшись от повторения прямой агрессии против России. С военной точки зрения это вторжение было опасно как для одной, так и для другой стороны. В случае наступления турок по направлению с юга на север их левый фланг оказывался уязвимым для удара ев-

ропейцев с запада. А при наступлении на восток правый фланг объединенной католической армии мог быть легко сметен конницей Крымского ханства.

Но где не проходит пехота и в неудобных застревают конница, там успешно продвигаются вражеские агенты, замаскированные церковными покровами и благочестивыми лозунгами. Эти «волки в кожах овечьих» расчетливо прибегли к обходному маневру, обольстив лживыми посулами восточных патриархов, находившихся под гнетом мусульманского Стамбула. Их заветным и вполне понятным желанием было избавиться от турецкого владычества. Но для этого нужно было любыми средствами втянуть русских в войну с Портой.

Категорически отвергнем предположение, что эти замыслы остались неизвестны турецким султанам Мехмеду IV, Ибрагиму I и их визириям. Они хорошо усвоили опыт и практические навыки расчленения и захвата русских земель путем сраживания одних русских с другими, доставшиеся от ханов Золотой Орды. Полностью контролируя церковную жизнь на подвластных территориях, Порты намеревалась раздробить и завоевать Московскую Русь. Для этого нужно было искоренить ее духовно-идеологическую основу — православие.

Заметим, что после двух уний с католиками (Лионская в 1274 году и Флорентийская в 1439 году) и двухсот лет пребывания под турецким владычеством в греческой церковной практике произошло так много изменений, что русские священнослужители имели основания сомневаться в истинности православия греков. Подобных взглядов придерживался и сам Никон.

«...гречане и малые росии (малороссы) потеряли веру и крепости, и добрых нравов нет у них, покой и честь тех прельстила, и своим нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия нимало», — утверждал Никон.

Но, едва забрезжила возможность стать патриархом, он уподобился перевертышу-хамелеону. Следуя наветам придворных агентов влияния, царь посулил и повелел, и Никон тут же ответил: «Есть! Будет сделано! И делается уже». Куда как гибко изменилась линия его убеждений, следуя линии царской и потому единственно верной.

Так захватнические планы Османской Порты совпали с экспансионистскими замыслами Ватикана и интересами греческого священства, которое стало слепой игрушкой в руках врагов Руси.

ПОД ТИХИЙ ШЕПОТ ИЕЗУИТОВ

Царь Алексей Михайлович был одержим манией войти в Константинополь владыкой всего православного мира, а его выкормыш Никон грезил отслужить победную литургию в главном христианском

храме св. Софии и обрести верховенство над четырьмя восточными патриархами.

В 1653 году константинопольский патриарх Афанасий писал в челобитной царю Алексею Михайловичу: «А брату моему и сослужителю, великому господину святейшему Никону патриарху московскому и всея Руси, освящаю соборную апостольскую церковь Софию».

Чтобы добиться этих целей, кремлевские властолюбцы не могли обойти разночтения в богослужебных книгах и обрядах. Следовало унифицировать их, подогнав под греческие образцы. Для этого в Москву была выписана с Запада свора «справщиков» во главе с Арсением Греком. Он примечателен тем, что получил церковное образование в иезуитской коллегии Ватикана, но позже неоднократно переходил из православия в католичество и обратно, был униатом, принимал магометанство. Согласно некоторым источникам он даже исповедовал иудаизм, что раскрылось, когда при медицинском осмотре ему пришлось сознаться в совершенном обряде обрезания.

Чудеса, явленные миру Лоуренсом Аравийским, Дж. Бондом, Штирлицем и другими персонажами плаща и кинжала, меркнули перед свершениями Арсения Грека в Москве.

В качестве образцов для исправления русской богослужебной литературы он привез в Москву не древние греческие тексты и даже не их копии, а новопечатные книги, спешно оттиснутые иезуитскими типографиями в Венеции, Риме и Париже. Легко догадаться, какие «исправления» были внесены в древлеправославные книги агентами иезуитов!

Впрочем, богословские хитросплетения мало интересовали реформаторов. Или вовсе не интересовали. Священномученик протопоп Аввакум оставил свидетельство о наставлениях Никона иноземным «справщикам»: «Говорил Никон: «Печатай, Арсений, книги как-нибудь, лишь бы не постарому», — так сукин сын и сделал».

Никоновско-ватиканский метод «исправления» церковных канонов творчески применил недоучившийся семинарист Джугашвили, он же Сталин, поставив с ног на голову историю Октябрьской революции и Гражданской войны в своем, как он считал, бессмертном произведении «Краткий курс истории ВКП(б)».

Подобно Никону Сталин приспособил для изуверского употребления метод ложной клятвы и другие концепции ордена иезуитов: «Нет человека — нет проблемы», «Незаменимых у нас нет!» и знаменитое «Кадры решают все!».

Все это латиняне-паписты применяли повсеместно, Москва не была исключением. Поэтому одним из первых начинаний иноземных «знатоков» православия стала организация Славяно-греко-латинской академии, которая, говоря современным

языком, являлась враждебным иностранным агентом, финансируемым Ватиканом. Это учреждение готовило попов с нужными папистам взглядами и наработанными практиками охмурения паствы. Руководили семинарией воспитанники иезуитских коллегий Венеции и Падуи братья Лихуды, которые в дальнейшем 15 лет возглавляли Московскую академию.

Ложью, интригами и сладкоречивым лицемерием тайные враги Руси опутали священнослужителей, бояр и знатных людей. Добровольными помощниками иезуитских лазутчиков стали обиженные властью и все раболепствующие перед царским троном. Но наиболее рьяными пропагандистами никоновской «реформы» были тайные враги православия, действовавшие как «по злобе и злодейству», так и по корысти — за папское золото.

Понятным даже для неискушенных символом психологической агрессии стала замена традиционного двуперстия на иноземное крестное знамение «тремя перстами».

ПРАВДА ПРОТИВ ЗЛОДЕЙСТВА

Не могли не найтись на Руси люди, приверженные духовным святыням и твердые в истинно православной вере. Следуя примеру епископа Павла Коломенского, честные патриоты возвысили голос, протестуя против ядовитого латино-папистского дурмана, оморочившего Русь.

Их единственным оружием в борьбе с иноземными поругателями веры было слово — устное и письменное, а неприступной крепостью стали убежденность в своей правоте, сила духа и непоколебимое мужество. Так зародилось старообрядческое движение как адекватный ответ на попрание святая святых — русского православия.

Протесты были мирными, но подстрекаемые иноземцами и царем клирики никоновского замеса ответили кострами, секирой и пыточными дыбами.

Заметим, что подчеркнуто мирный, ненасильственный характер духовно-нрав-

ственного сопротивления против иновещного вторжения в религиозную жизнь Руси не остался погребенным под прахом замученных и сожженных. Спустя два с половиной века после казни священномученика Аввакума и его сподвижников Лев Толстой предложил миру обновленную версию их убеждений, выразив ее в гениально краткой формуле: «Непротивление злу насилием».

Ответ лжецов и лицемеров синодальной Русской православной церкви (в дальнейшем тексте — РПЦ) стал ожидаемым: великого старца предали анафеме. Большевики во главе с Лениным, как могли, издевались над идеями Толстого, а его последователей истребили с дьявольской скрупулезностью. В середине 30-х годов чекистские главари с гордостью доложили Сталину, что с толстовством в СССР покончено. Позже нелюди с холодной головой и огненным сердцем скрыли от народа позорный опыт ненасильственной революции: в результате мирных протестов граждане Индии, ведомые Учителем Ганди, изгнали из своей страны иноземных захватчиков.

Но вернемся к событиям XVII века. На Соборе 1666–1667 годов приверженцев древлеправославных традиций предали вечному проклятию. Не надеясь на убедительность аргументов в пользу своей «реформы» и более всего страшась всенародного восстания, изверги постановили: *«Аще кто не послушает нас или начнет прекословити... мы таковых накажем духовно, аще же и духовное наказание наше начнут презирати, мы таковым приложим и телесные озлобления».*

Историк И. Филиппов так описал способы «приложения телесных озлоблений»: *«Везде бряцали цепи, везде вериги звенели, везде Никонову учению служили дыбы и хомуты. Везде в крови исповедников ежедневно омывались железа и бичи. И везде от такого насильственного лютого мучительства были залиты кровью все города, утопали в слезах села, покрывались плачем и стоном пустыни и дебри...»*

Насилие и ложь неразделимы! Гигабайты устного вранья, мегатонны печатной продукции употребили лжецы и лицемеры, чтобы на протяжении трех веков снова и снова обелять себя в глазах соотечественников. Забыв о суде Божьем, наперсники и творцы раскола объявили раскольниками истинных защитников православной церкви. С их обагренных кровью сотен тысяч мучеников нечистых уст раскольниками стали называть истинно православных. Каких только презрительных кличек ни придумали последыши Никона, как только ни глумились над духовными святынями!

Самой чудовищной ложью стала выдумка о том, что староверы сами себя сжигали! Они, мол, не могли принять крестное знамение тремя перстами. От страха перед Божьей карой затворялись в обложенных сеном церквях и сараях, чтобы совершить саможжение. Десятки, если не сотни тысяч здоровых людей кончали счеты с жизнью в неопишуемых муках — кто, будучи в здравом уме, поверит? Однако изуверы добились своего — не только простые люди — даже именитые историки поверили. Запретельно бесстыдное вранье многократно повторялось триста с лишним лет, в СССР этот богомерзкий обман вписали даже в школьные учебники истории¹.

Но правду не задушишь и не убьешь. На протяжении столетий из уст в уста, от отца к сыну, из поколения в поколение передавались рассказы о том, что в действительности происходило. Мужчин и немощных стариков, женщин и детей сгоняли как скот, обкладывали деревянные срубы соломой и поджигали. Нацистские оккупанты переняли эту, стыдно сказать, технологию, хотя вместо огня они поль-

¹Мы не нашли достоверных свидетельств, доказывающих факты массового саможжения приверженцев древлеправославной церкви. Нельзя отрицать, что подобные случаи имели место, но как редкое исключение, причем коллективные самоубийства не были вполне добровольными: к мученической смерти людей понуждали угрозы жестоких пыток и надругательства.

Сожжение православных. Россия, XVII в. Фрагмент картины худ. Г. Мясоедова

зовались огнеметами. Технический прогресс, знаете ли.

И в XXI веке не перевелись нелюди, воспринявшие сатанинские наущения. После трагедии в Одессе нашлись негодяи, объявившие, что десятки горожан сами заперлись в Доме профсоюзов и сами себя сожгли — им, дескать, стало стыдно!

Омерзительное беснование продолжалось триста с лишним лет. Оно продолжается и по сию пору.

ЕСТЬ БОЖИЙ СУД, НАСЛЕДНИКИ РАСКОЛА!

Едва где-либо обозначалось присутствие Ватикана, там неизменно расцветали интриги, шпионаж и предательство. И никогда деятельность папистов не приносила пользы России. Перелистывая тома исторических монографий, мы не нашли ни одного примера обратного.

Здесь нелишне вспомнить одну из самых бесславных для России войн — Крымскую. Она длилась с 1853-го по 1856 год, а ее итогом стала потеря Россией тогдашней Бессарабии, уничтожение Черноморского флота и разрушение всех прибрежных крепостей. А поводом (возможно, и одной из причин) для этой позорной войны стал спор между католическим и православным духовенством о том, кто будет блюстителем храма гроба Господня в Иерусалиме и храма в Вифлееме.

Нет причин надеяться на то, что на Святой престол снизошло богоданное умиротворение и Ватикан навсегда отказался от идеи прозелитизма по отношению к России. Напротив, деяния западно-украинской греко-католической церкви говорят о том, что агрессивные устремления прелатов, воспринявших опыт ордена иезуитов, разрослись до уровня новых угроз духовным ценностям и традициям нашего народа. Умиляясь красочным картинам братания папы Римского с патриархом РПЦ, мы ни в коем случае не должны терять бдительность. Одним из уроков раскола православия в далеком XVII веке

**Мученичество Аввакума.
Старообрядческая икона**

является то, что иезуитизм хитер и коварен. Папские иезуиты действуют «аки волки в кожах овечьих», а их агенты проникают даже туда, где это кажется совершенно немыслимым.

Приведем случай из недавнего прошлого РПЦ. В сентябре 1978 года во время аудиенции у папы Римского Иоанна-Павла I буквально у подножия Святого престола скоропостижно умер митрополит РПЦ Никодим, а сам папа скончался месяц спустя.

Брюссельский архиепископ Василий писал об этом: «Конечно, всякая смерть есть тайна Божия, и является дерзновением судить, почему она случается в тот или иной момент и что она означает, но лично я (и думаю большинство православных) воспринял ее как знамение Божие. Может быть, даже как вмешательство Божие, как неодобрение той спешки и увлечения, с которыми проводилось дело сближения с Римом. Все поездки Никодима на поклон к Папе, причащения католиков и даже сослужения с ними, и все это в атмосфере одновременно скрытости и демонстративности. Правы мы или не правы, — один Бог это может знать. Но таково было наше непосредственное подавляющее православное переживание».

Похоже, действительно, есть Высший Судья, который не медлит и не ждет.

ПРИЗНАЛИ, НО НЕ ПОКАЯЛИСЬ

В 1971 году поместный собор РПЦ отменил анафему на старые обряды и на тех, кто их придерживался. Синодальная РПЦ признала реформу Никона крутой и поспешной ломкой русской церковной обрядности, предпринятой в силу ошибочного толкования обрядовых различий как различий в вере. А основания для замены двуперстия на иноземное трехперстие объявлялись более чем сомнительными. Воззрение на старые церковные обряды как еретические отвергнуто как ложное.

Вряд ли это решение было продиктовано чувствами раскаяния или стыда за преступления предшественников. Если бы так, то было бы естественно увидеть дальнейшие действия РПЦ, направленные на восстановление исторической справедливости и преодоление церковного раскола. Но, сделав первый шаг по пути к правде, иерархи РПЦ бесстыдно умолкли. И упорно продолжают замалчивать ими же решенное полвека без малого. До сих пор большая часть паствы и духовенства и слыхом не слыхивала о том, что древле-православные обряды давно перестали считаться еретическими.

Общехристианскими канонами определен только один способ исправления совершенных ошибок, сколь бы ужасающими таковые ни были. Это путь деятельного раскаяния и покаяния. Это путь всенародного порицания лжецов, лицемеров, хриstopродавцев и одновременного воздания славы и почестей всем пострадавшим за преданность истинной вере. Среди сотен тысяч безвестных героев-страдальцев — великий гражданин нашего Отечества протопоп Аввакум, принявший мученическую смерть, но не изменивший своему долгу пастыря и патриота.

Вступить на праведный путь пока решилась только Русская зарубежная православная церковь, которая на архиерейском Соборе 2000 года принесла покаяние всем старообрядцам — сожженным, замученным и убитым, равно провозгласив его для ныне живущих и навечно для тех, кто будет жить после.

Иногда приходится слышать, что признание РПЦ своей вины в геноциде и духовном опустошении Руси опасно, так как повредит единению русского и других православных народов современной России. Дескать, сейчас кризис! Мол, в тревожной обстановке, перед лицом зловещих угроз этого нельзя делать. Признавая добрые побуждения одних и с презрением отвергая гнилое лицемерие иных, напомним, что никакой народ не сохранится, если его духовные ценности зиждутся на злонамеренном замалчивании трагических периодов собственной истории, уроки которой остались не усвоенными именно из-за многовековой традиции искажения и замалчивания правды. Духовное укрепление нашего народа и возрождение его единства невозможны, если мы не осознаем прошлые преступления и ошибки, а также свою вину за жесточайшие и несправедливые гонения на старообрядцев, с самого начала распознавших в никоновской «реформе» вредоносные происки врагов православия и российской государственности.

Об авторах.

Евдокимов Андрей Михайлович,
д-р философии, член СЖ России
Редакция журнала

«Защита и безопасность»

Загородний Александр Александрович
Лиговская старообрядческая
община СПб

Список источников, использованных при подготовке публикуемого материала, занимает около пяти страниц. Кроме историков, поименованных в тексте, упомянем труды Е. Анисимова, Б. Керженцева, свящ. Павла Флоренского и митр. Макария (Булгакова). В качестве основы публикации выбрана статья специалиста в области истории русского Средневековья Б. Кутузова «Церковная реформа XVII века как идеологическая диверсия», первоначально опубликованная в «Журнале историко-богословского общества» (М., 1990. № 1) и позже повторенная в полутора десятках изданий.